

Воскресенье. 10 октября 1904 г.

№ 268 Голъ четвергацый. № 268

Воскресенье. 10 октября 1904 г.

Условія подписки съ доставкой и пересылк. городскимъ и
многогороднымъ подписчикамъ:

12 м.—9 р. 11 м.—8 р. 50 к., 10 м.—8 р. 9 м.—7 р.
8 м.—6 р. 50 к., 7 м.—5 р. 75 к., 6 м.—5 р. 5 м.—
4 р. 25 к., 4 м.—3 р. 50 к., 3 м.—2 р. 75 к., 2 м.—2 р.
1 м.—1 р.

За пересылку загранич. издм. добавоч. 50 к. ежемесячно.

Подписка принимается съ извѣстнаго 1-го числа.

За перемѣну адреса взимается 25 к.

За объявленія: за строку, занимаемую пяткомъ на 1-й страни-
ци, 20 к., на 4-й страницѣ—10 к.

При многократн. печатаніи—срѣдн. по соглашенію.

За размѣ. приложеній при газетѣ—8 р. отъ каждой тысячи.

Газетн. контора помѣщается въ Ростовѣ на Дону, на Вол.

Саловой улицѣ, въ собств. домѣ.

Контора открыта ежедневно отъ 8 час. утра до 8 ч. ве-
тора, въ воскресные и празднич. дни отъ 10 до 12 ч. инч.

Фидельные кушера въ Ростовѣ нд. и въ отдаленіяхъ—5 к.

Телефонъ конторы № 240.

ПРИАЗОВСКИЙ КРАЙ

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ и ЛИТЕРАТУРНАЯ.

Размѣна газетъ помѣщ. въ Ростовѣ на-Дону, на Бѣлой
Саловой улицѣ, въ собств. домѣ.

Редакция для инч. общес. отпр. отъ 12 до 2 ч. дня

Статьи должн. быть доставляемы съ подписью и адре-
сомъ автора. Принятые статьи, по усмотрѣнію редакціи,
подлежатъ измѣненію и сокращенію. Статьи безъ обо-
значенія условій считаются безплатными. Малѣйшія замѣтки
уничтожаются, статьи сохраняются 1 мѣсяцъ. Пересылку
рукописей обратно авторамъ редакція на себя не при-
нимаетъ. Гонораръ выдается въ конторѣ по субботамъ
отъ 10 до 1 часа дня. Телефонъ редакціи № 6.

Объявленія для газ. „Приазовскій Край“ отъ инч. фирмъ
и учрежденій, находящихся въ С.-Петербургѣ, Москвѣ,
Вильнѣ, Ригѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Приамурскомъ краѣ
и загранично, принимаются исключительно въ централь-
ной конторѣ объявленій торговаго дома „А.С. Мейеръ и Ко“
въ Москвѣ, въ домѣ Сыт. на, и въ его отаѣленіяхъ С.-Пе-
тербургѣ, на В. Морской, № 11, и въ Варшавѣ, Краковѣ,
сигн. прам. № 38. — по тѣмъ: подл. текста по 12 к., а
вслѣдствіи текста по 25 к. за строку текста или занимаемое
имъ мѣсто.

ФЕЛЬЕТОНЪ.

ЧЕХОВСКИЙ МІРЪ.

VII.

Футлярные люди.

Въ то время, когда однихъ росси-янъ дѣйствительность заставляла отворачиваться отъ текущей жизни и необузданно отдаваться мечтаніямъ, видя въ первой лишь досадный и не-пріятный проходящій эпизодъ, а вто-рыми всецѣло наполняя свою жизнь, та же дѣйствительность на другихъ нашихъ согражданъ дѣйствуетъ пря-мо противоположными образами. Пер-вые стремятся хоть въ мечтахъ раз-вернуться во всю ширь; вторые, на-противъ, всячески сокращаютъ себя, свою дѣятельность, свои воззрѣнія, даже свои мечты. И какъ наша жизнь переполнена мечтателями, такъ не въ меньшей, если даже еще не въ боль-шей мѣрѣ переполнена она и людь-ми противоположнаго характера, ко-торыхъ Чеховъ обезсмертилъ въ сво-ей «Человѣкъ въ футлярѣ».

«Человѣкъ въ футлярѣ» предстаетъ собою только окончательный итогъ изслѣдованій Чехова въ этой области нашей жизни. Прежде, чѣмъ дать намъ этотъ образъ окончательно сформировавшагося замершаго чело-вѣка, Чеховъ обрисовалъ цѣлый рядъ переходныхъ къ нему стадій. Лишь въ рѣдкихъ сравнительно случаяхъ живой человѣкъ напоминаетъ собою «футлярнаго» уже съ раннихъ лѣтъ. Въ такихъ случаяхъ нужно соедине-ніе наслѣдственности «футлярныхъ» качествъ съ условіями, которая съ самаго ранняго дѣтства способству-ють воспитанію и развитію этихъ ка-чествъ въ несчастномъ человѣкѣ,—и въ такихъ случаяхъ и разнается тотъ совершеннѣйшій экземпляръ «Человѣка въ футлярѣ», который об-рисованъ Чеховымъ въ произведеніи подъ этимъ заглавіемъ. Несравненно чаще у «Человѣка въ футлярѣ» были въ молодости и порывы, и стремле-нія, и убѣжденія, но все это мало-по-малу, подъ влияніемъ безотрадной дѣ-йствительности, атрофировалось, вы-вѣтривалось, сокращалось—и въ кон-цѣ концовъ получался изъ порою го-рдаго, вѣрующаго человѣка односто-

ронный, узенькій, топчашійся на од-номъ мѣстѣ, которому остается сдѣ-лать еще одинъ только шагъ, чтобы оказаться самымъ настоящимъ двой-никомъ «Человѣка въ футлярѣ».

Этотъ процессъ превращенія чело-вѣка, кажущагося идеальнымъ, энергич-нымъ, способнымъ къ значительной работѣ, въ нѣчто сѣренькое, малень-кое, бездѣятельное, носить у насъ название «забѣданія средой». «Глупо и старо! какъ говоритъ Ивановъ въ «Ивановѣ» по поводу подобнаго объ-ясненія своей негодности ни къ чему; тѣмъ не менѣе на этомъ «глупомъ и старомъ» объясненіи выѣзжали, да и теперь нерѣдко выѣзжаютъ многие изъ самыхъ настоящихъ «футлярныхъ лю-дей». Само собою разумѣется, что превращеніе въ «футлярныхъ людей» происходитъ не въ нашей дѣйстви-тельности и именно подъ ея воздѣй-ствіемъ; но, несомнѣнно также, что здѣсь немалую роль играетъ и соб-ственная дряблость этихъ людишекъ, которые оказались неспособными спа-сти свою личность хотя бы такимъ излюбленнымъ для русскаго человѣка способомъ, какъ устраненіе отъ этой ужасной дѣйствительности въ область мечтаній.

Этотъ процессъ формированія «фут-лярнаго человѣка» обстоятельно изо-браженъ Чеховымъ на цѣломъ рядѣ разновидностей этого «человѣка». Въ обширной галлерей относящихся сю-да типовъ мы находимъ «футлярнаго человѣка» на разныхъ ступеняхъ ме-таморфозы. Самую раннюю ступень представляетъ докторъ Астровъ въ «Дядѣ Ванѣ». Онъ явился въ уѣздъ въ роли земскаго врача, жаждущаго самой широкой дѣятельности и дѣй-ствительно способнаго къ ней. «Смѣ-лость, свободная голова, широкіе раз-махъ»—такъ характеризуетъ этого человѣка Серебрякова. Но, «непролаз-ная грязь на дорогахъ, морозы, мете-ли, разстоянія громадна, народъ гру-бый, дикий, кругомъ нужда, болѣзни»—и въ результатѣ Астровъ пришелъ къ заключенію о по ной бесполезно-сти своей дѣятельности, какъ врача. Человѣкъ рѣшительный, человѣкъ, дѣйствительно, талантливый и энер-гичный махнулъ бы рукою на то, въ чемъ разочаровался, и взялся бы за другое дѣло, которое онъ считаетъ настоящимъ, нужнымъ, полезнымъ. И, поவிлиному Астровъ такъ и дѣлаетъ. Оставаясь земскимъ врачомъ, онъ

принимается за другую и очень ори-гинальную дѣятельность:

«Михаилъ Львовичъ каждый годъ сажаетъ новое лѣса.—характеризуетъ Соня Ас-рова: онъ хлопочетъ, чтобы не истребляли старыхъ. Онъ говоритъ, что лѣса украшаютъ землю, что они учатъ человѣка понимать прекрасное и внушаютъ ему величавое на-строеніе. Лѣса смягчаютъ суровый климатъ. Въ странахъ, гдѣ мягкій климатъ, меньше тратится силъ на борьбу съ природой, и потому тамъ мягче и нѣжнѣе человѣкъ; тамъ люди красивы, гибки, легко возбужда-ются ихъ изящна, движенія граціозны. У нихъ процвѣтаетъ наука и искусство, фи-лософія ихъ не мрачна, отношенія къ жен-щинамъ полны изящнаго благородства».

Какъ видимъ, здѣсь цѣлая фило-софія и притомъ такая, которая мо-жетъ удовлетворить даже требова-тельнаго человѣка. И, поவிлиному, она удовлетворяетъ Астрова, такъ какъ лѣса и лѣсоразведение—един-ственный предметъ, говоря о которомъ онъ оживляется и даже дѣлается краснорѣчивымъ:

«Русскіе лѣса трещатъ подъ топоромъ, гибнутъ миллиарды деревьевъ, опустошаются жилища звѣрей и птицъ, мелкѣютъ и сохнутъ рѣки, исчезаютъ безвозвратно чудные пейзажи. Надо быть безразсуднымъ варваромъ, чтобы хочъ въ своей пещи эту красоту, разрушать то, что мы не можемъ создать. Человѣкъ одаренъ разумомъ и творческою силой, чтобы примирять то, что ему дано, но до сихъ поръ онъ не творилъ, а разру-шалъ. Лѣсовъ все меньше и меньше, рѣки сохнутъ, дичь перевелась, климатъ испор-ченъ, и съ каждымъ днемъ земля становит-ся все бѣднѣе и безобразнѣе... Когда я прохожу мимо крестьянскихъ лѣсовъ, которые я спасъ отъ порубки, или когда я слышу, какъ шумитъ мой молодой лѣсъ, посажен-ный моими руками, я сознаю, что климатъ немнѣжно и въ моей власти, и что если че-резъ тысячу лѣтъ человѣкъ судить о счаст-ливѣи, то въ этомъ немнѣжно буду виноватъ и я».

Казалось бы, вотъ человѣкъ на-шелъ себѣ дѣло по душѣ, дѣло, ко-торое по своему значенію можетъ за-хватить его всего и наполнить его жизнь высокимъ благороднымъ содер-жаніемъ. Увы! оказывается, что эта лѣсоразительная и лѣсоразводительная философія и дѣятельность только «футляръ», въ который человѣкъ пря-чется, чтобы скрыться отъ дѣйстви-тельности, съ одной стороны, и отъ сознанія своей пустопорожноты—съ другой. «Во всемъ уѣздѣ,—говоритъ Астровъ своему пріятелю Войничко-му,—было только два порядочныхъ интеллигентныхъ человѣка: я да ты. Но въ какія-нибудь десять лѣтъ жизнь обывательская, жизнь презрѣнная за-пнула насъ; она своими гнилыми ис-пареніями отравила нашу кровь и мы

стали такими же пошляками. какъ асъ». И вотъ получается настроеніе, которое Астровъ характеризуетъ слѣ-дующими словами: «Когда идешь тем-ною ночью по лѣсу, и если въ это время вдали свѣтитъ огонекъ, то не замѣчаешь ни утомленія, ни поте-мокъ, ни колючихъ вѣтвѣй, которыя бьютъ тебя по лицу... Я работаю, какъ никто въ уѣздѣ, судьба бьетъ меня не переставая, порой страдаю я не-выносимо, но у меня вдали нѣтъ огонька. Я для себя уже ничего не жду, не люблю людей... Давно уже никого не люблю».

Что же въ концѣ концовъ пред-ставляетъ собою докторъ Астровъ? Разочаровавшись въ дѣятельности земскаго врача, онъ тѣмъ не менѣе остается таковымъ,—просто потому, что не хватаетъ энергіи выпрыгнуть изъ привычнаго хомута. У него не осталось уже вѣры ни во что. Въ окружающей средѣ онъ разочаровался. Въ жизни онъ не видитъ элементовъ, которые обѣщали бы лучшее буду-щее. Для себя лично онъ уже ничего не ждетъ отъ жизни. И онъ пьетъ, чтобы заглушить внутреннюю тоску, и оказывается способнымъ, какъ и всякій любой уѣздный обыватель, на самую пошлую интригу, въ которой первую роль играетъ красивое жен-ское тѣло, которое одно только и оказывается ему нужнымъ. И только одно удерживаетъ его отъ полного причисленія къ гг. обывателямъ, ко-торыхъ онъ будто бы такъ сильно презираетъ, или къ людямъ, оконча-тельно потерявшимъ силы жить, на-дѣяться и мечтать,—эта больше ин-стинктивная, чѣмъ сознательная лю-бовь къ природѣ, вливающая въ форму дѣятельности по спасенію и разведе-нію лѣсовъ. Именно этотъ «футляръ», въ который онъ спасается отъ жизни, отъ дѣйствительности, какова она есть, и спасаетъ его, и даетъ ему си-лу влѣпачить существованіе, и, пожа-луй, приносить извѣстную обществен-ную пользу...

Астровъ симпатиченъ тѣмъ, что онъ не рисуется, не прячется, не скрываетъ ни отъ себя, ни отъ дру-гихъ той пустоты, которая наполня-етъ его жизнь и святая святыхъ его души. И этимъ онъ высоко под-нимается надъ обычнымъ уровнемъ пошлости. Гораздо ближе къ обычно-му типу «футлярнаго человѣка» ли-тераторъ Лядовскій (въ разсказѣ «Хо-

рошіе люди»). Кто не знаетъ этотъ типъ, кто не сталкивался съ этими Лядовскими съ ихъ «шумихой, ску-кой и порядочностью»? Кто не ви-дѣлъ такого Лядовскаго, когда онъ «съ вдохновеннымъ лицомъ возла-галъ вѣнокъ на гробъ какой-нибудь знаменитости или съ важнымъ, тор-жественнымъ выраженіемъ собиралъ подписи для адреса»? И хотя вся его литературная дѣятельность сводилась къ тому что онъ писалъ для малень-кой газетки библиографическія замѣт-ки и еженедѣльные критическіе фель-етоны, которымъ была грошъ цѣна, онъ былъ необычайно высокаго мнѣ-нія о своихъ литературныхъ трудахъ и успѣлъ внушить глубокое благо-говѣніе къ этимъ трудамъ и сестрѣ своей. И жилъ бы этотъ «футляр-ный человѣкъ» спокойною жизнью, если бы эта сестра мало-по-малу не переросла его и не стала сомнѣвать-ся въ надобности того примитивнаго пустословія, которымъ занимался ея братъ. Въ одинъ прекрасный день она огоршила его заявленіемъ:

«Видишь ли, Володя, мнѣ кажется, что если бы асъ ты, мыслящій люди, посвятили себя рѣшенію большихъ задачъ, то всѣ эти твои вопросики, надъ которыми ты теперь бьешься, рѣшились бы сами собой, побоч-нымъ путемъ. Если ты поднимешься на ша-рѣ, чтобы увидѣть городъ, то поневоля, само собою, увидишь и поля, и деревни, и рѣки... Мнѣ кажется, что современная мысль засѣ-ла на одномъ мѣстѣ и прилипла къ одному мѣсту. Она предубѣждена, вяла, робка, бо-ится широкаго, гигантскаго полета, она кон-сервативна».

И хотя по уходѣ отъ него сестры Лядовскій «все писалъ свои фельетон-ы, возлагалъ вѣнки, пѣлъ «gaudeamus igitur», хлопоталъ о «кассѣ взаимопомощи сотрудниковъ московскихъ временныхъ изданій», но уже «фут-ляръ», въ которомъ онъ сидѣлъ, по-ходилъ для него больше на одиноч-ную тюрьму, чѣмъ на счастливую обитель. Но онъ думалъ, что посѣ-щавшая его тоска—результатъ оскор-бленія авторскихъ чувствъ, а не без-сознательнаго ощущенія малоцѣнно-сти своей жизни и дѣятельности...

Еще ступенью ниже—и мы встрѣ-чаемъ доктора Рагина (въ «Палатѣ № 6»). Онъ настолько уменъ, что по-нялъ цѣну дѣйствительности, но вмѣ-стѣ съ тѣмъ настолько дряблъ, что не нашелъ ничего лучшаго, какъ уйти отъ этой дѣйствительности. Устрои-вшись врачомъ богоугодныхъ заведеній и, такимъ образомъ, отстранивъ отъ

себя заботы объ удовлетвореніи сво-ихъ матеріальныхъ нуждъ, онъ мах-нулъ рукою на все окружающее, пре-доставилъ зрителю больницы об-крадывать больныхъ, сколько ему за-благодарятъ, больныхъ передалъ на попеченіе фельдшера, а самъ все-цѣло погрузился въ чтеніе книгъ, да обсужденіе съ высшей философской точки зрѣнія всѣхъ вопросовъ жизни и знанія, дополнивъ программу жи-зни еще употребленіемъ значительна-го количества спиртныхъ напитковъ. И очень можетъ быть, что этотъ «футлярный человѣкъ» прожилъ бы всю свою жизнь по составленной имъ программѣ, если бы судьба не стол-кнула его съ психически больнымъ, который ѣдкимъ анализомъ заставилъ успокоившагося доктора разочароват-ся въ своей философій, послѣдствіемъ чего было появленіе самого доктора въ психіатрическомъ отдѣленіи боль-ницы.

Въ самомъ концѣ этой галлерей типовъ стоитъ уже самый настоящій «человѣкъ въ футлярѣ». Не безъ при-чины Чеховъ сдѣлалъ своего героя учителемъ гимназіи, да еще препода-вателемъ греческаго языка. Дѣйстви-тельно, только футлярные люди мо-гли идти въ педагоги средней школы и тѣмъ болѣе въ преподаватели дре-внихъ языковъ при той постановкѣ этой школы, какая имѣла мѣсто въ послѣднюю четверть столѣтія, и при томъ отношеніи къ этой школѣ и ея порядкамъ, какое царило и царитъ доселѣ у насъ въ обществѣ. Нужно быть глубоко спрятаннымъ въ «фут-лярѣ», чтобы не чувствовать всего ужаса положенія человѣка, толкушаго воду въ ступѣ въ теченіе десятковъ лѣтъ при общемъ презрѣніи и осу-жденіи. Чехову удивительно удалась обрисовка этого свершеннѣйшаго образчика «футлярныхъ» людей. Даль-ше, очевидно, по данному пути уже нельзя идти, такъ какъ дальше мо-жетъ быть только полное одеревенѣ-ніе.

Онъ былъ замѣчательнѣе тѣмъ, что все-гда, даже въ очень хорошую погоду, выхо-дилъ въ галюшахъ и съ зонтикомъ и непре-мѣнно въ тепломъ пальто на вѣтѣ. И зон-тикъ у него былъ въ чехлѣ, и часы въ чех-лѣ изъ сѣрой замши, и когда онъ вынималъ перочинный ножъ, чтобы очинить карандашъ, то и ножъ у него былъ въ чехольчикѣ; и лицо, казалось, было въ чехлѣ, такъ какъ онъ все время пряталъ его въ поднятыя во-ротники. Онъ носилъ темныя очки, фуфайку, уши затыкалъ ватой и, когда садился на на-

воячка, то приказывалъ пожимать верхъ. Однимъ словомъ, у этого человѣка наблю-далось постоянное и непреодолимое стремле-ніе окружить себя оболочкой, создать себѣ, такъ сказать, футляръ, который уединилъ бы его, защитилъ бы его отъ вѣшнихъ влі-яній. Дѣйствительность раздражала его, пу-гала, держала въ постоянной тревогѣ и, быть можетъ, для того, чтобы оправдать эту свою робость, свое отвращеніе къ насто-ящему, онъ всегда халялил прошлое и то, чего никогда не было. Древніе языки, кото-рые онъ преподавалъ, были для него въ сущности тѣ же галюши и зонтики, куда онъ прятался отъ дѣйствительной жизни.

И мысль свою Бѣльковъ также старался запрятать въ футляръ. Для него были ясны только циркулярныя и газетныя статьи, въ которыхъ запрещалось что либо. Когда въ циркулярѣ запрещалось ученикамъ выхо-дить на улицу послѣ 9 часовъ вечера, или въ какой-нибудь статьѣ запрещалась плот-ская любовь, то это для него было ясно, опредѣленно: запрещено—и basta. Въ разрѣ-шеніи же и позволеніи скрывался всегда для него элементъ сомнительный, что то не-доказанное, смутное. Когда въ городѣ раз-рѣшали драматическія кружки или читаль-ню, или чайную, то онъ доказывалъ голо-вой и говорилъ тихо: «Оно, конечно, такъ то такъ, все это прекрасно, но какъ бы че-го не вышло».

Такими футлярными людьми пере-полнена вся наша жизнь. Кто не зна-етъ ихъ, кто не сталкивается съ ни-ми, кто не вынужденъ имѣть дѣло съ представителями этого типа? На пер-вый взглядъ можетъ казаться, что это совершенно безобидный типъ, могу-щій только анушуть жалость къ себѣ. Но, по условіямъ нашей жизни, фут-лярные люди—одинъ изъ вреднѣй-шихъ элементовъ этой жизни. «Если кто изъ товарищей опаздывалъ на молебень, или доходили слухи о ка-кой-либо проказѣ гимназистовъ, или видѣли классную даму поздно вече-ромъ съ офицеромъ, то онъ очень волновался и все говорилъ, какъ бы чего не вышло»,—и продолжалъ го-ворить, пока подъ влияніемъ его раз-говоровъ дѣйствительно «выходило» что-нибудь крайне мерзкое. На педа-гогическихъ совѣтахъ подъ влияніемъ его мнительности и осторожности и выражаемыхъ имъ опасеній дѣло до-ходило до того, что безъ мало-маль-ски достаточныхъ основаній «сбавля-ли Петрову и Егорову баллъ по по-веденію, сажали ихъ подъ арестъ и въ концѣ концовъ исключали и Пет-рова, и Егорова». Увидавъ товарища вѣдущимъ на велосипедѣ и вспоминая, что ѣзда на велосипедахъ «не разрѣ-шена циркулярно», «человѣкъ въ фут-лярѣ» отправляется къ этому това-рищу, чтобы, жалѣя его, предупре-

дить его о томъ, «какъ бы чего не вышло», и своимъ нытьемъ и неопы-ными замѣчаніями доводить товари-ща до того, что тотъ выгоняетъ его изъ своей квартиры. Испугавшись, какъ бы этотъ горячій разговоръ, въ которомъ товарищъ не совсѣмъ поч-тительно отзывался о начальствѣ не услышалъ кто-либо, «человѣкъ въ футлярѣ» считаетъ своимъ долгомъ доложить о неумѣстныхъ выражені-яхъ товарища по начальству, о чемъ благородно предупреждаетъ и то-варища, на котораго пишетъ докладъ. Словомъ, всюду и всегда «человѣкъ въ футлярѣ» оказывается зловер-нымъ субъектомъ, и имѣть таковъ го-дести, которой онъ не былъ бы въ состояніи совершить и дѣйствительно не совершилъ бы,—и это отидалъ въ слѣдствіе своей злобы на людей, сво-ей склонности къ гнуснымъ поступ-камъ, а исключительно въ силу мнѣ-тельности, осторожности, заглазости жизнью, запуганности передъ ней.

Когда, наконецъ, человѣкъ въ фу-лярѣ умеръ, у товарищей его во мнѣ-нази явилось «чувство удовольствія —чувство, похожее на то, какое испытывали давно-давно еще кнѣз-ства, когда старые уѣзжали изъ мѣ-му и мы бѣжали по саду чаше-дрѣи наслаждаясь полною свободою».

Но прошло не болѣе недѣли, и мы потекла попрежнему, такая же суровая, мнительная, безтолковая, жизнь, не раз-рѣшенная циркулярно, но и въ разрѣшеніи нѣтъ; не стало лучше. И въ самомъ дѣлѣ Бѣлькова мы похоронили, а снова не такихъ человѣковъ въ футлярѣ стало, сколько ихъ еще будетъ!

А главное, асъ мы—болѣе или мнѣе «люди въ футлярѣ» и познани-емъ себѣ только то, что «разрѣ-шено циркулярно», и страшно боимся совершать то, что хотя никакими ци-ркулярами не запрещено, но зато и прямо не разрѣшено. И оттого и прежде всего наша жизнь такъ сѣ-на и такъ тосклива, и оттого то и-стоящій «человѣкъ въ футлярѣ» иа пародіа на человѣка, эта мунія, онъ-зывается такою силою въ нашей жи-зни и оказываетъ такое поразительное давленіе на всѣхъ, какъ это такъ блестяще изображено Чеховымъ...

Я. Абрамовъ